

отношений у таджиков, выявляя их гораздо более архаичный характер, нежели предполагалось прежде. Возможно, что именно по этой причине он вынес данную тему за рамки настоящей книги.

Наряду с этим В. И. Бушков также ничего не пишет о сословном характере населения Северного Таджикистана, тогда как О. А. Сухарева, и Н. А. Кисляков, и Б. Х. Кармышева уделяют этой проблеме в своих исследованиях немало внимания. То же самое касается и работ А. А. Семенова, посвященных системе государственного управления Бухарского эмирата. Известно, что традиционная социальная стратификация играет огромную роль в современной общественно-политической жизни Таджикистана, о чем В. И. Бушкову также доводилось неоднократно писать в прочих своих работах, в том числе и опубликованных совместно с автором этих строк. Это же касается и такого важнейшего явления современной общественной жизни таджиков, как традиционные мужские собрания (*гаштахи*).

Однако, как говорится, нельзя объять необъятного. Поэтому книгу В. И. Бушкова следует оценить высочайшим образом не за то, чего в ней нет, а за высокие научные достижения автора.

Д. В. Миккульский

© 1996 г., ЭО, № 6

Культура народов Океании и Юго-Восточной Азии. Сб. МАЭ. Т. 46. СПб., 1995. 237 с.

Выход в свет рецензируемого Сборника МАЭ, посвященного описанию различных коллекций по народам материковой и островной частей Юго-Восточной Азии и некоторых районов Океании (в частности, Новых Гебрид, Полинезии, о. Пасхи и др.), хранящихся в Музее антропологии и этнографии РАН, — явление отрадное. Дело в том, что с момента публикации предыдущих Сборников МАЭ, посвященных традиционной культуре народов этих регионов, прошло достаточно много времени. Конечно, за этот период было опубликовано несколько монографий, в которых авторы так или иначе использовали соответствующие экспонаты из фондов Музея¹, однако комплексных публикаций, подобных вышеупомянутым сборникам, не было.

Сборник открывается кратким предисловием, затем следует большая статья Е. В. Ивановой и А. М. Решетова «Формирование и исследование фондов МАЭ по Юго-Восточной Азии», в котором наряду с изложением истории складывания коллекций МАЭ по народам, обозначенного в заглавии региона, приводятся подробные данные о жизни и деятельности сотрудников музея, работавших над описанием коллекций. Среди них есть и такие, сравнительно недавно ушедшие из жизни, которые не были удостоены некрологов (в частности, Л. Э. Каруновская, И. М. Лекомцев, В. Г. Трисман и др.).

К этой статье примыкает публикация А. М. Решетова о многолетнем сотруднике Института этнографии АН СССР, кандидате исторических наук Анатолии Ивановиче Мухлинове (1928—1989), выпускнике Восточного факультета ЛГУ, китаисте по образованию, ставшем первым отечественным профессиональным специалистом по этнографии Вьетнама².

Статья А. Ю. Синицына посвящена описанию довольно крупной коллекции (132 предмета) бирманских вещей, хранящихся в МАЭ. Основная часть этого собрания поступила в музей уже в последнем десятилетии (до 1953 г. здесь были только два бирманских предмета; модель телеги и модель корабля). Автор статьи делит всю коллекцию на несколько тематических разделов: одежда (включая обувь и головные уборы); произведения ремесел, в том числе художественных; музыкальные инструменты; неолитические орудия; культовые тексты; печатная продукция.

Е. В. Иванова в статье «Тайский театр масок кхон» излагает историю сложения и функционирования в Таиланде этого вида традиционного театрального искусства таи, насчитывающего несколько столетий, а затем дает подробное описание (с фотографиями) восьми масок театральных персонажей, хранящихся в МАЭ. Интересно, что это подлинные маски, употреблявшиеся тайскими (сиамскими) актерами королевского балета во время их гастролей в С.-Петербурге в 1900 г. и переданные затем Дирекции Императорских театров, откуда они перешли в Ленинградский театральный музей, а оттуда (в 1957 г.) — в МАЭ.

Е. С. Соболева дает сводное описание этнографических коллекций с о. Тимор, хранящихся в МАЭ (кол. № 602, 144 предм.; № 1798, 10 предм.; № 2905-5, 1 предм.) и в Музее антропологии им. Д. Н. Анучина при МГУ (кол. № 266, 108 предм.).

Е. В. Ревуненкова, продолжая описание различных предметов из батакской этнографической коллекции МАЭ (список других ее публикаций см. в настоящем сборнике, с. 224), представляет собрание батакских тканей, насчитывающее почти 20 образцов.

Известная отечественная исследовательница кукольного театра народов различных стран Азии И. Н. Соломоник³ в данном сборнике публикует статью о традиционном индонезийском театре объемных кукол *вайяг* *голек*. Свое описание автор строит на коллекциях кукол из фондов МАЭ и Государственного Академического центрального театра кукол (г. Москва), а также используя иллюстрации в публикациях западных ученых.

Несколько статей посвящены этнографическим коллекциям по народам Океании. В работе Н. А. Бутинова говорится об альбоме рисунков, на которых изображены различные бытовые предметы

¹ Сб. МАЭ. Т. 39. «Культура народов Индонезии и Океании». СПб., 1984; Т. 41. «Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ». СПб., 1987.

и фигуры божества с побережья Новой Гвинеи и ряда индонезийских островов, в частности Ниас и Салавати. Папка с рисунками (37 листов) была передана в библиотеку РГО (ныне хранится в Архиве РГО) Н. В. Слюниным в 1892 г. Долгое время считалось, что автор рисунков — сам Н. В. Слюнин (никогда, кстати, не бывавший на Новой Гвинеи и в Голландской Индии, но интересовавшийся этнографией и оставивший несколько трудов по этнографии Дальнего Востока). В результате анализа архивных материалов Н. А. Бутинов пришел к выводу, что рисунки были сделаны Н. Н. Миклухо-Маклаем, которого в последние годы жизни лечил Н. В. Слюнин. Папка была вручена доктору самим Н. Н. Миклухо-Маклаем для передачи в РГО. В статье дается подробный анализ этих рисунков.

В совместной статье Е. С. Соболевой и ныне покойного сотрудника Российского Этнографического музея Е. А. Глинского описывается коллекция клинкового оружия народов Индонезии в МАЭ (всего 241 предмет), ранее не привлекавшая особого внимания исследователей. Все это собрание классифицируется по форме изгиба клинка, форме рукояти и некоторым другим признакам.

На островах Полинезии довольно широко было распространено искусство портретной скульптуры, которое связано с погребальными обрядами и культом мертвых. В МАЭ имеется несколько образцов такой скульптуры. В статье И. К. Федоровой анализируются несколько типов подобных изображений (черепные маски, фигуры из тапы, большие деревянные резные скульптуры и пр.).

А. И. Азаров описывает четыре антропоморфные фигуры, вырезанные из стволов древесного папоротника с островов Новые Гебриды (Республика Вануату). Они входят в состав коллекции, поступившей в МАЭ в 1978 г. в дар от французского художника (русского по происхождению) Николая Николаевича Мишугушкина, живущего постоянно на о. Эфате (Вануату), обладателя обширной и уникальной коллекции предметов традиционной культуры народов Океании⁴. Описываемые фигуры — часть ритуального комплекса, связанного с функционированием на Новых Гебридах специфического общественного института — мужских ранговых союзов.

Значительный вклад в изучение различных аспектов традиционной культуры коренного населения Океании внесли европейские миссионеры, начавшие пропаганду христианской веры в этом регионе еще в конце XVIII в.⁵ Именно им европейская наука обязана многими ценными свидетельствами о жизни островитян⁶. Одному из таких людей, человеку, вошедшему в историю под именем «апостола рапануйцев», француз Эжену Эйро (1820—1868) посвятила статью И. К. Федорова. Э. Эйро, член Конгрегации Святых Сердец де Пикпюс, провел на о. Пасхи несколько лет (1864, 1866—1868) и окрестил (вместе с несколькими другими миссионерами) практически все население острова. Хотя Э. Эйро не успел написать обобщающий труд об о. Пасхи, тем не менее в его письмах, направляемых им руководителям Конгрегации, и, в частности, в письме верховному генералу Конгрегации Э. Рушзу (декабрь 1864 г.) (перевод его опубликован в данной статье) приводится много интересных данных по этнографии и культуре местных жителей. Э. Эйро, в частности, первый сообщил о наличии у рапануйцев дощечек с письменами (кохау ронгоронго) и магических жезлов.

Завешают сборник два каталога. Первый, составленный Е. С. Соболевой, охватывает коллекции по островной части Юго-Восточной Азии, куда включены собрания из Индонезии, с п-ова Малакка, с Филиппин, с Андаманских и Никобарских островов. Он сопровождается списком литературы (описания коллекций, опубликованные в предыдущих Сборниках МАЭ). Второй, автор которого — И. В. Суслова, описывает коллекции по народам Бирмы, Вьетнама, Камбоджи, Лаоса и Таиланда. Он включает также список коллекций (иллюстративных) по данному региону.

По двум последним статьям у меня есть замечания. В каталоге по островной части Юго-Восточной Азии есть указания только на места собирания, но ничего не говорится об этнической принадлежности предметов, хотя, как хорошо известно, в Индонезии, на Филиппинах и других государствах население полиэтнично и большую часть коллекций можно отнести к тому или иному этносу (естественно, что среди них есть и сборные коллекции, с трудом поддающиеся атрибуции). Этот же каталог не содержит перечня иллюстративных собраний, который имеется, как говорилось выше, во втором каталоге. Этот последний имеет четкую привязанность не только к государствам, но и к народам внутри каждого из них.

Подводя итоги обзору, можно сказать следующее. Музей антропологии и этнографии в настоящее время обладает богатыми коллекциями по народам Зарубежной Азии, Австралии и Океании. Отрадно, что уже опубликованы каталоги по Монголии и Корее⁷, по Австралии и Океании⁸. Если при этом учесть, что в книге Н. Г. Краснодарской⁹ имеется список южноазиатских коллекций (правда, не сопровождающийся тематической разбивкой), то теперь уже есть исчерпывающие сведения о музейных собраниях по странам и народам от Индостанского п-ова до Корейского п-ова в Азии и от Андаманских островов в Индийском океане до о. Пасхи в Тихом океане. Конечно, остаются еще не каталогизированными богатейшие китайские и японские коллекции в Восточной Азии и весь Переднеазиатский регион. Но, надеемся, что в ближайшем будущем и эта работа будет проделана и все заинтересованные люди смогут ознакомиться с этими собраниями.

Примечания

¹ См., например: *Соболева Е. С. Этнический состав Португальского Тимора XVI—XX вв. Историко-этнографическое исследование.* Л., 1991; *Ревункова Е. В. Миф — обряд — религия: некоторые аспекты проблемы на материале народов Индокитая.* М., 1992; *Федорова И. К. Остров Пасхи. Очерк культуры XVIII—XIX вв.* СПб., 1993; *Маретина С. А. Андаманцы. К проблеме доземледельческих обществ.* СПб., 1995.

² А. И. Мухлинов является автором многих публикаций по самым разнообразным темам, связанным с вьетнамской этнографией, в том числе капитальной монографии: *Мухлинов А. И. Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа.* М., 1977.

³ Соломоник И. Н. Традиционный театр кукол Востока. Основные виды театра плоских изображений. М., 1983; *её же*. Традиционный театр кукол Востока. Основные виды театра объемных форм. М., 1992.

⁴ В конце 70-х — 80-х годах коллекция Н. Н. Миштушкина с большим успехом демонстрировалась в нашей стране. См.: Этнография и искусство Океании. Путеводитель по выставке/Сост. Л. А. Иванова. М., 1979; Иванова Л. А. Выставка «Этнография и искусство Океании»//Сов. этнография (далее — СЭ). 1980. № 3. С. 148—156. В 1994 г. в МАЭ РАН была развернута временная выставка «Вануату в зеркале искусств», на которой также демонстрировались вещи из коллекции Н. Н. Миштушкина и оригинальные картины его и полинезийского художника А. Пилиоко (см.: Окладникова Е. А. «Вануату в зеркале искусств» и проблема этнокультурных контактов в бассейне Тихого океана//Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 2—3. СПб., 1995. С. 124—163; Шафрановская Т. К. Картинки с выставки//Там же. С. 164—182.

⁵ Об основных этапах деятельности миссионерских организаций в Океании см.: Бутинова М. С. Миссионерство и колониализм в Океании. Л., 1975 (см. также рец. Д. Д. Тумаркин. Миссионерство и колониализм в Океании//СЭ. 1977. № 2).

⁶ О вкладе миссионеров в изучение традиционной культуры населения Океании см., например: Бутинова М. С. Миссионерство в Океании (историографический обзор)//СЭ. 1977. № 1. С. 150—159; Федорова И. К. Малоизвестные материалы по этнографии Океании (по отчетам и письмам миссионеров)//Народы бассейна Тихого океана. Общество, история, культура. Маклаевские чтения 1993—1994 гг. СПб., 1994. С. 153—162.

⁷ Суслова И. В. Введение к каталогам, Каталог коллекций по разделу «Монголы»; Каталог коллекций по разделу «Корейцы». Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ//Сб. МАЭ. Т. 41. Л., 1987. С. 162—176.

⁸ Шафрановская Т. К., Азаров А. И. Каталог коллекций отдела Австралии и Океании МАЭ//Культура народов Индонезии и Океании. Сб. МАЭ. Т. 39. Л., 1984. С. 5—25.

⁹ Краснодембская Н. Г. От Львиного острова до Обители снегов. Рассказ о коллекциях МАЭ по Южной Азии. М., 1983.

В. Н. Кисляков

© 1996 г., ЭО, № 6

Русский фольклор. Аннотированный библиографический указатель. Составитель Н. Р. Тимонина. М., 1994. 103 с.

Отчественным источниковедением накоплен опыт создания годовых обзоров печатных материалов о русском народном творчестве. В середине XIX века, когда изучение устной поэзии еще не определялось как отдельное направление гуманитарной науки, сведения о фольклоре включались в перечни литературы по географии и этнографии, регулярно появлявшиеся на страницах двух печатных органов Императорского Русского Географического общества: «Вестника» и «Этнографического сборника» (подборки В. И. Ламанского за 1851 г., Г. Н. Геннади и П. П. Дубровского за 1853 г., В. И. Межова — с 1859 по 1880 г.). В конце прошлого столетия, времени формирования фольклористики в особую область знания, начали выходить специальные разыскания, например, «Критико-библиографические заметки об изданиях и исследованиях по русской словесности за 1892 г.» П. В. Владимиров (Киев, 1893).

Подлинное становление фольклорной библиографии произошло в первые десятилетия текущего века. Незадолго до революции Комиссией по народной словесности при этнографическом отделении Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии были опубликованы отдельными брошюрами три выпуска «Библиографического указателя литературы по народной словесности на русском языке» за 1911, 1912 и 1913 годы (М., 1913—1915); сведения в них сконцентрированы по жанрам и темам с приложением реестра использованных источников.

Кроме того, перечисления фольклористических публикаций присутствовали в справочниках общего типа, таких как «Обозрение трудов по славяноведению», составленное под редакцией В. Н. Бенешевича (СПб., 1911—1918; раздел «Народная словесность»), «Библиографический ежегодник: систематический указатель литературы. Классифицирован по десятичной системе», отредактированный И. В. Владиславлевым (М., 1912—1915; раздел «Народная поэзия»), «Библиография за 1911 г. по этнографии, религии, языкознанию и фольклору» Б. Э. Петри («Живая старина», 1913, № 3—4).

В советское время сводки данных за 1933 и 1934 гг. обнародованы М. К. Азадовским («Советская этнография», 1934, № 1—2; 1935, № 2), за 1956 г. — М. Я. Мельц в IV-м томе серии «Русский фольклор. Материалы и исследования» Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (М.; Л., 1959).

Справочник, подготовленный Н. Р. Тимониной¹, воскрешает и продолжает сложившуюся, но забытую традицию. Он состоит из двух, приблизительно равных по объему частей. Первая (с. 5—57) наполнена печатным массивом 1991 года (что определило название книги), вторая — «Приложение» — содержит выборочный перечень за 1992—1994 гг. (с. 58—101). Сведения в них расположены в порядке алфавита со сквозной нумерацией для каждой — 258 номеров и 216 номеров.